

Б.Я. Канторович

Метаморфозы духовных основ современного общества

Хотя духовность – проявление сознательного творчества масс и отдельных личностей, она определенным образом перемещается в сферу крайних основ общественной жизни, формируя ее качество, уровень, или, как ныне говорят, менталитет. Не грешно вспомнить в этой связи и пресловутое высказывание Маркса о том, что идеи сами становятся материальной силой, когда они овладевают массами [1]. Это хорошо усвоили и его сторонники, и его противники, и со всяким резким поворотом истории преобразованию духовных основ общественной жизни они придавали и придают первостепенное значение.

Не минула чаша сия и наше время перехода общества, в котором мы живем, от социализма к капитализму. Здесь диалектика бытия и сознания возвращается на круги своя: первое вновь обретает определяющее значение, а рождающаяся на этой основе духовность пытается с позиций нового социального заказа воздействовать на всю общественную жизнь. Успешно, безуспешно? Это в значительной мере зависит не только от интенсивности идеологической обработки, но и от ценностей заменяемого и заменителя. Трудно оспорить тот факт, что господствовавшая на протяжении семидесяти лет духовность, пропитанная марксизмом-ленинизмом, страдая (к концу этого господства) догматизмом и творческой немощью, оказалась в глубочайшем кризисе. Спрашивается: как это могло случиться? Изначально основанная на фундаментальной научности, питаемая идеалами добра и справедливости, она со временем превратилась в оковы для мысли и дел.

Представляется, что здесь действовали причины двоякого рода. Первая: идеи прекращают свою функцию, подобную материальной силе, когда ими овладевают власть предержащие, вырождающиеся в касту, оторванную от народа и самой жизни, озабоченную в первую очередь сохранением своего господствующего положения. Вторая: действуют глубокие закономерности, определяющие все сущее; никто и ничто не может претендовать на долговечность, не подвергаясь каждодневно, ежечасно плодотворным изменениям. Вся образовавшаяся громада идеологов была озабочена отнюдь не укреплением духовных основ общества; не развитием теории марксизма, а тем, как законсервировать их, дабы не дать проявиться их творчески-преобразующему началу, чего, и не без "успеха", добились: ни одна работа в области общественных наук не могла появиться на свет, не будучи напичканной цитатами из классиков, право на новое слово приватизировали центральные органы компартий и их лидеры. Достаточно в этом плане сослаться на судьбы историка Волобуева, социолога Левады, философа Гароди, экономиста И.Надя и множества других. А подлинный обскурантизм, проявленный в оценке генетики, кибернетики, теории относительности, физиологии? Самое настоящее позорище, надолго подорвавшее позиции этой идеологии. Можно сто

раз сказать слово "сахар", но во рту от этого слаще не станет; неразвивающаяся теория канонизируется и перестает быть нужной.

Но не только идеологи питают духовность, не меньшую роль в ее формировании играют литература и искусство, наиболее близко примыкающие к нравственной оценке сущего – еще одного краеугольного камня духовных основ общественной жизни. И тут люди, присвоившие себе звание "творческих марксистов", вели себя, как слон в посудной лавке. Выдающиеся представители культуры – Твардовский и Солженицын, Ахматова и Бродский, Зощенко и Дудинцев, Неизвестный и Шемякин, Шостакович и Прокофьев, Тарковский и Любимов, Высоцкий и Галич и многие другие – ощутили на себе всю удушающую силу цензуры, что и определило трагизм их судьбы.

Вывод зрел и напрашивался: либо установление подлинной демократии и свободы духовного творчества, либо неминуемое поражение в борьбе за умы и чувства людей. Свершилось последнее. Отброшены прочь, стали предметом насмешек и издевательств и марксистская теория, и основанный на ней творческий метод социалистического реализма, сам взгляд на мир, исходящий из научного к нему подхода.

Но удивительное дело: марксизм-ленинизм как идейно-теоретическая основа советского общества отвергнут, а множество научных работ и открытий, совершенных в его рамках, большое число художественных произведений, созданных между революцией 1917 года и контрреволюцией 1991 года, продолжают оказывать огромное духовное воздействие на разум и эмоции миллионов людей. Закономерно напрашивается вопрос: а не выплеснут ли "реформаторы всех основ нашей жизни" из общественного корыта вместе с водой и ребенка – духовные достижения послереволюционных семидесяти лет? Наверное, есть в марксизме и советской культуре такое, что представляет собой несомненную ценность и чем не следовало бы бездумно и бездушно пренебрегать? Последующие годы, несомненно, ответят на эти вопросы. Жизнь быстротекуща, и случается, что крайности бытия меняются местами, уходя из жизни и возвращаясь к ней.

В данном случае, однако, интересно другое: поскольку "свято место пусто не бывает", то что заменило место уходящей духовности (или бездуховности), как утверждаются новые духовные основы общественной жизни?

Есть несомненное продвижение вперед, реализовалось то, что исподволь созревало еще при социализме: утверждается разумный прагматизм и связанные с ним новые веяния в экономической теории, социологии и политологии, а также непредвзятый взгляд на историческое прошлое страны, населяющих ее народов. Восстанавливаются из забвения имена множества мыслителей, литераторов, о которых в силу их особого отношения к Советской власти старались не вспоминать, замалчивали их творчество. Сама гласность создает возможности объективной всесторонней оценки тех или иных явлений культуры, прежде всего произведений литературы и искусства. Значима реализуемая возможность неканонизированного творческого преподавания философских и социально-гуманитарных наук в системе высшего образования, имеет место плюрализм среднего образования. Возникли новые перспективы развития национальных культур. Бесцензурная пресса и другие СМИ избавились от строго ограниченной тематики и способны ныне донести разнообразнейшую информацию до каждого человека, где бы он ни находился, и т.п.

Все это нельзя не приветствовать. И в то же время слышатся утверждения о небывалом росте бездуховности в стране, о пышном расцвете преступности, коррупции, культа насилия и секса, проституции, наркомании и иных отвратительных проявлений безнравственности, сопровождаемых массовой

потерей интереса к произведениям классической литературы и искусства, утверждения об упадке современной литературы и кино, замене их массовой легковесной музыкой, пошлой кинопродукцией и подобными же литературными подделками и др.

На заседании пресс-клуба ОРТ устами одного из его участников были сформулированы следующие идеалы, которыми он руководствуется: Бог, Родина и Свобода. Это как бы в противовес Свободе, Равенству и Братству – идеалам буржуазной революции и девизу "Мир! Труд! Свобода!", с которым выступил социализм.

О Боге несколько ниже. Что касается Родины – неоспоримой святой ценности, то ныне идеал этот растворился в беспредельном сепаратизме и обретает форму грубого национализма. Идея Свободы, как это видно, сохраняется из эпохи в эпоху, неся на себе наследие прошлого и обретая новые черты. Что можно сказать о ней сегодня? Благо бы дело ограничилось свободой слова, мнений, убеждений и их беспрепятственного выражения, а также свободой выбора сферы деятельности, места жительства, общественных объединений, митингов, собраний и т.п. Однако же и в классическом буржуазном обществе, и в переживаемые нами времена первоначального капиталистического накопления, то бишь дикого капитализма, определенным выражением свободы стало безудержное обогащение, бессовестное обретение денег и всего с этим связанного. Свободно покупается и продается все: честь, достоинство, здоровье, знания, профессиональная гордость, имущество, в том числе государственное, созданное усилиями всей нации и присваиваемое с помощью приватизации, а то и обыкновенных хищений наиболее нахрапистой частью населения, из среды которой и произошли новые буржуа.

Можно привести и другие соображения по поводу нарастающего давления бездуховности на всю общественную жизнь и жизнь едва ли не каждого индивида и задаться вопросом: почему это случилось? Для ответа необходимо, как и во всяком другом научном исследовании, единство и взаимодействие логического и исторического подходов. В этой связи полезно, видимо, вспомнить времена, предшествовавшие буржуазным революциям. Только нежелая этого признать, станет отрицать ту гигантскую идеологическую подготовку, которая была проделана накануне революций XVI-XVIII веков буржуазными просветителями и моралистами. Им – Локку, Монтескье, Дидро, Вольтеру, Руссо, Канту, Бомарше и многим другим – удалось полностью дискредитировать аморализм времен абсолютизма, внедрить светскую, правовую идеологию и эффективно потеснить идеологию религиозную, провозгласить приоритет личности, что опровергало и нравственно, и юридически крепостничество, бесправные обязанности и безответственные права, царившие в ту эпоху.

Только фанатик-антикоммунист станет отрицать наличие у большевиков программы перехода общества от капитализма к социализму. Она теоретически разрабатывалась на протяжении многих десятилетий до Октябрьской революции, была документально оформлена, и ею более или менее успешно пользовались. Не хватило последовательности и принципиальности в ее реализации, зато хватило искажений, сыгравших злую шутку с социализмом, что и привело к краху этого общества, имевшего, казалось, все перспективы успешного развития.

"Пусть неудачник плачет, кляня свою судьбу!" – поется в знаменитой опере П.И.Чайковского, а общество, прощаясь с прошлым, продолжает свое развитие. Куда? К чему? Ответы на эти вопросы теснейшим образом связаны с характеристикой духовных основ утверждающегося, пришедшего на смену социализма общества.

В свете вышесказанного констатируется прежде всего факт отсутствия теоретических обоснований этих проблем. Какие-то малосостоятельные оправдания происходящего вытаскиваются из арсеналов прошлого, да и то прежде всего с целью представить семьдесят лет Советской власти каким-то случайным зигзагом в общем поступательном развитии человечества. Но представить не значит доказать. Утверждения же зарубежных социологов и политологов о единственно верном пути развития сводились в основном к проповеди неоконсерватизма и монетаризма, сквозь которые в лучшем случае проглядывали уши деформированных социалистических идей, как это имело место с небезызвестной теорией конвергенции, сходу, по недомыслию отвергнутой официальной советской идеологией.

Много дельного и убедительного содержалось в пропаганде демократии и качества жизни современного буржуазного общества. Нельзя сказать, что данный пример не сработал против социализма, но обращено это было отнюдь не к духовности, а скорее к материальным запросам населения социалистических стран. Этого в общем-то хватило, чтобы с завистью смотреть на Запад и оставаться равнодушными при виде крушения социалистического общества.

Но этого явно недостаточно, чтобы убедить людей в том, что пришедшее на смену ему, социализму, общество отвечает их духовным устремлениям. И тогда лидеры перехода от социализма к капитализму с помощью части интеллигенции, перевернувшейся на 180 градусов, устремили свой взор в сугубо прошлое, обращенное в прошлое, и влекомое туда же всей своей сутью – к религии.

Ей много веков, почти столько же, сколько человеку и человечеству. Порой она объединяла и вела к преодолению трудностей, к борьбе с ними, вдохновляла и просвещала, а порой становилась палачом сотен тысяч людей, отвращала их от научных знаний, сковывала их нравственность узкими канонами, служила прежде всего тем, кто господствовал и обогащался за счет принудительного труда народа. Это не могло не породить атеизм, борьбу между ним и церквями всех конфессий. Целью этой борьбы было либо удержаться человечеству на старых позициях, либо прорваться к разуму, открываемым им знаниям и свободомыслию. Сколько сил и лет понадобилось, чтобы достичь последнего! Особенно интенсивно велась борьба за умы и души людей в XVI–XX веках, закончившись серьезным поражением церкви.

И вот сегодня, на грани веков и тысячелетий вновь обращаются к религии как панацее от возможных смут и потрясений. С нею заигрывают, приносят покаяние за чужие, подчас придуманные грехи, ищут дорогу к храму, который оказывается часто средоточием антидуховности – буржуазного накопительства, обнищания масс, повсеместно подкрепляемых падением морали тысяч и тысяч людей, не видящих выхода из того положения, к которому привели их так называемые реформаторы и их духовные оруженосцы.

Церковь – носительница религии – интенсифицирует этот процесс, активно внедряясь в систему властвования, в культуру, в среднее и высшее образование, пытается брать на себя функции духовного цензора литературы и искусства [2]. Закрываются клубы и библиотеки, но интенсивно строятся церкви и молитвенные дома. В этой связи представляется сомнительным ожидаемый успех в борьбе за укрепление духовных основ белорусского общества с помощью христианских нравственных ценностей. Две тысячи лет пыталась церковь нравственно усовершенствовать человека, а воз, как говорится, и поныне там, что отнюдь не отменяет великого принципа свободы совести – самоличного, по велению собственной души, желания верить в Бога или не верить.

Беда еще в том, что желают верить и веруют не только в Бога, но и в са-

тану и в другую нечистую силу, прибегают к услугам разного рода сект, а то и явных шарлатанов. Сколько развелось юродивых и злонамеренных пророков, колдунов и шаманов, астрологов и хиромантов, знахарей и экстрасенсов, стремящихся везде и повсюду "внести свой вклад" в разрушение духовных основ современного общества, надругаться над нравственностью и здравым смыслом!

Можно ли в принципе определиться в решении этой проблемы? Было бы совсем неумным посчитать себя очередным пророком или личностью, знающей точные рецепты такого решения. Но несомненно, что здесь прежде всего место науке, интеллигенции, не способной вихляться вслед за вихляющейся кормушкой. Огромную роль могут сыграть практический опыт прошлого и настоящего, государственная политика, продуманно занимающаяся духовной жизнью народа, забота общественности о духовном здоровье нынешнего и будущих поколений сограждан.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. **Маркс К.** К критике гегелевской философии права // К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч., том 1. С. 422.
2. **Бовин А.** Испытание церкви. Последнее? // "Известия" от 25 ноября 1997 г.

S U M M A R Y

This article certifies the historical necessity of changing the spiritual bases of social life because of its transition from one stage of the development to another; it also examines the peculiarities and difficulties of this process during the changing socialism for capitalism.